

В памяти Дин Тяня не сохранился облик Чэнь Мэй — он знал лишь её имя.

Но решиться на соблазнение постороннего мужчины в эти патриархальные, суровые времена... Что и говорить, девица отличалась редкой дерзостью.

Сама же Чэнь Мэй оказалась действительно недурна собой. Миловидное овальное личико, распахнутые выразительные глаза, блестящие смоляные волосы, небрежно собранные на затылке, — всё это подчёркивало её хрупкую, утончённую красоту. Серая арестантская роба, застиранная едва ли не до белизны, ничуть не портила девицу, а лишь придавала ей незащищённый, жалостливый вид. Забившись в угол камеры, она смотрела на вошедшего полными слёз глазами.

Дин Тянь молча развернулся и ушёл, не удостоив её ни единым словом.

Прежний хозяин этого тела испустил дух от горя и обиды, когда семья Чэнь разорвала помолвку. У Дин Тяня не было ни малейшего права прощать этих людей, и Чэнь Мэй не была исключением.

Вечером женщин из семьи Чэнь, как и было обещано, оставили без ужина. Им пришлось лишь тоскливо смотреть, как едят остальные арестантки. Проведя ночь на голодный желудок, на следующий день они присмирели. Тюремная баланда хоть и не отличалась изысканностью, но это было куда лучше, чем выть от голода.

Вскоре Дин Тянь получил известие: нынешний день станет последним. Завтра утром весь этот огромный этап вместе с охраной покинет Город Ньюцзяо.

— Так быстро? — удивился Дин Тянь.

— Сказано три дня, значит, три дня, — с улыбкой ответил личный советник Ду, протягивая ему очередной увесистый кошель. — Трудись на совесть. Скоро здесь всё примет регистратор Сюй.

— Всё-таки он! — улыбнулся юноша. — Он действительно способный человек.

— И не говори. Он сумел раздобыть и предоставить такие неопровержимые улики! В докладе, который императорский посланник отправил в столицу, имя Сюя упомянуто особо. Свыше уже пришло распоряжение временно назначить его помощником уездного судьи. А как только дело закроют и раздадут награды, он, скорее всего, займёт кресло самого судьи уезда. — Личный советник Ду покачал головой. — Никогда бы не подумал, что в этом старом лисе скрывается такая хватка.

Собеседники переглянулись и дружно рассмеялись — каждый прекрасно всё понимал без лишних слов.

Зная, что Ван Цзо со своей свитой уезжает, Дин Тянь решил приготовить для него особенный, праздничный ужин.

Он тонко нашинковал хрустящий зимний редис — прихваченный первыми морозами и убранный в погреб, он отдавал приятной сладостью, — и приготовил из него лёгкую холодную закуску. К ней подал сочные, пышущие жаром пельмени с начинкой из жирной свинины и нежного золотистого лука-порей, а наваристый, исходящий ароматным паром бульон из молодой баранины завершил трапезу.

— Дин Тянь говорит: «В дорогу — пельмени, по возвращении — лапшу». Проведал, что мы отбываем, и расстарался, — доложил Ван Фугуй.

Больше всего управляющего поразило то, что юноша не пожалел драгоценного зимнего порея для начинки. В это суровое время года свежая зелень ценилась на вес золота, и у Дин Тяня её оставалось совсем чуть-чуть — как раз на одну стряпню. Он разделил угощение с умом: господину Ван Цзо поднесли полную тарелку — ровно двадцать четыре штуки; префекту Ду досталось восемнадцать; личному советнику Ду и того меньше — двенадцать. Кроме того, управляющий приметил, что ещё дюжину пельменей Дин Тянь отправил регистратору Сюю.

В таком жесте сквозило глубокое уважение, превосходящее цену самого дорогого лакомства. Впрочем, Ван Фугуй и сам впервые в жизни видел свежий порей посреди лютой зимы.

— А ведь мне действительно будет его не хватать, — усмехнулся Ван Цзо и, взяв палочки, принялся за ужин.

Тем временем сам Дин Тянь делил скромную трапезу с регистратором Сюем.

— С сегодняшнего дня мне следует величать вас не иначе как господином помощником уездного судьи, — с улыбкой проговорил юноша.

— За это я должен принести глубокую благодарность тебе, младший брат, — Сюй отправил в рот сочный пельмень. — Если бы не твои подсказки, я бы не успел подготовиться. Обещаю: если бразды правления уездом действительно перейдут ко мне, я никогда не уподоблюсь прежнему уездному судье Ма.

— Это сразу видно, — Дин Тянь отправил в рот аккуратный пельмень. — Жаль только, что зелень, которую я с таким трудом выращивал, почти вся ушла на чужие столы.

— Твои старания окупились сторицей, стоит ли тужить о пучке травы? — добродушно рассмеялся Сюй. — Лучше послушай: господин Ван выставил на продажу все три лавки конфискованной сети «Лавка Изобильного Урожая». Угадай, кто их выкупил?

— И кто же? — живо поинтересовался Дин Тянь.

К этой теме он питал самый искренний интерес — у его собственного семейства пока была лишь одна крошечная лавка без вывески, так что любые перемены на рынке зерна его волновали. Появись в городе крупный торговец, их скромному заведению пришлось бы несладко — разве что поставлять зерно для нужд уездной управы.

— Твой третий дядя.

— Третий дядя?! — Дин Тянь даже опешил. — Да как же так?

— Твой второй дядя вытряхнул все семейные закрома, чтобы помочь брату. На эти деньги они выкупили все три лавки «Лавки Изобильного Урожая». Вместе с твоей собственной у вас теперь целых четыре заведения! Я, признаться, и не планирую пускать в город сторонних торговцев. Ваша семья ведёт дела честно, цены не задирает. К тому же, когда в государственных амбарах будут скапливаться излишки старого зерна, я стану в первую очередь сбывать его вашей лавке.

Дин Тянь с довольной улыбкой подложил ему на тарелку ещё один пельмень:

— Договорились! Будем следовать вашим наставлениям!

Получить такое обещание от нынешнего помощника уездного судьи и без пяти минут нового правителя уезда — великое благо. Теперь их торговое дело было обречено на процветание, и уж точно не принесло бы убытков. Одежда, еда, кров и путь — четыре столпа народной жизни. Сначала человек прикрывает наготу, затем наполняет желудок, после устраивает очаг, а коли появятся силы и средства — отправляется в дорогу. Еда не зря стояла на втором месте: во все времена, от древности до наших дней, зерно оставалось важнейшим ресурсом как для простого люда, так и для войска.

— И во сколько же это обошлось? — обеспокоенно спросил Дин Тянь. — Должно быть, дядья выгребли всё до последнего медного гроша?

Во время прошлого сбора зерна они и так лишились половины накоплений, а тут, должно быть, отдали даже то, что откладывали на старость.

— Разве ты не знаешь? — Сюй многозначительно прищурился. — Господин Ван пожаловал тебе награду в пятьдесят ланов золота. До твоих рук эти деньги так и не дошли, поскольку я сразу пустил их на покупку лавок. Так что теперь твой третий дядя должен эту сумму тебе, а не посторонним людям. Подобная удача выпадает раз в жизни, грех было упускать такую возможность. А в будущем нам ещё не раз предстоит работать сообща.

Сюй не собирался уподобляться прежнему судье Ма с его ненасытной жадностью, однако государственные закрома требовали порядка: запасы нужно было своевременно пополнять, а старое зерно — сбывать.

— Вот это да! — восхитился Дин Тянь, но тут же засомневался: — Но если в уезд придут другие купцы и тоже захотят открыть лавки?..

Он хорошо помнил, что раньше в город рвались сразу восемь крупных торговцев зерном. Соперничать с ними его семье, едва выбившейся в малый достаток, было не под силу, даже несмотря на то, что они были местными.

— Какие ещё купцы? — фыркнул Сюй. — Те просители были людьми императорского посланника. Торговля зерном служила им лишь прикрытием для тайного расследования. А Ма Чун, по глупости своей, не дал разрешения ни одному из них...

Дин Тянь поспешил замолчать и угодливо подложил Сюю ещё один пельмень:

— Кушайте, кушайте, господин Сюй!

Угощение оказалось настолько вкусным, что новоиспечённый помощник судьи велел подать вина. Захмелев, он весь вечер не выпускал руку Дин Тяня, изливая ему душу и делась планами на будущее.

Ван Цзо тоже остался чрезвычайно доволен своим ужином. Правда, посреди ночи у него разболелся живот от обилия лука-порей, что изрядно подпортило ему настроение.

На следующее утро, в день отъезда гостей, Дин Тянь превзошёл сам себя, приготовив сытный и изысканный завтрак. Он подал дымящиеся паровые пельмени с сочной говядиной и наваристый бульон, который томился на огне всю ночь. В этих северных краях, граничащих с бескрайними степями, говядину везли прямиком от кочевников. Стоила она недешево, но для важных гостей Дин Тянь денег не пожалел. В суп он добавил тонкую рисовую лапшу, нашинкованную капусту и сушёный тофу, а сверху щедро присыпал свежими, ярко-зелёными перьями чеснока.

Отведав столь изысканного угощения, Ван Цзо окончательно сменил гнев на милость. На прощание он одарил Дин Тяня ещё сотней ланов серебра.

Держа в руках увесистое серебро, Дин Тянь даже заволновался — награда казалась слишком щедрой. Окружающие смотрели на него с нескрываемой завистью. Какая разительная перемена! Ведь прибыл этот этап скромно — всего три арестантские телеги да пятеро конвоиров. Зато уезжали они теперь с помпой: кавалькада растянулась на сотни чжанов. Помимо закованных в кандалы преступников, в дорогу тронулись пышный кортеж императорского уполномоченного, вооружённая до зубов охрана, свита префекта Ду и личного советника.

Тихий приезд обернулся шумными, торжественными проводами. Лишь теперь до местных жителей дошли слухи о том, что уездный судья взят под стражу за казнокрадство и злоупотребление властью. Отныне полноправным хозяином города стал регистратор Сюй.

Вернее, теперь его величали не иначе как господином помощником уездного судьи.

Как только пыль за уехавшим караваном улеглась, в управе воцарилась непривычная, благостная тишина. Столичные гости убрались восвояси, забрав с собой весь скарб. Оставшимся служащим нужно было лишь навести порядок и вынести мусор из помещений.

Дин Тяню казалось, будто небо над головой стало синее, вода в колодце — чище, а свежий снег заблестал ярче прежнего. Слуги императорского посланника перед уходом вычистили его личную каморку до блеска. Всё вернулось на круги своя: комната вновь опустела, избавившись от лишней роскоши.

Наведя окончательный порядок, юноша с наслаждением вымылся в бане, сменил платье на чистое и, испросив у помощника уездного судьи Сюя короткий отпуск, покинул стены управы.

Стоило ему завернуть за угол родной улицы, как он заметил своего старшего двоюродного брата, который нетерпеливо вытягивал шею у калитки.

— Кого высматриваешь? — окликнул его Дин Тянь.

— Тебя, конечно! Живее заходи, — брат затащил его во двор и плотно прикрыл за собой тяжёлые ворота. — Второй дядя уже давно ждёт.

В доме собралась вся семья, за исключением второй тётушки, оставшейся присматривать за младшими детьми в деревне. Второй и третий дядя с чинным видом восседали на тёплом кане.

— Тянь-эр, иди скорее сюда! Мы богаты! — радостно воскликнул второй дядя.

На низком столике, стоявшем прямо на кане, аккуратной стопкой лежали четыре купчие на землю и четыре документа на владение недвижимостью. Два свидетельства на владение домами и два участка земли были оформлены лично на имя Дин Тяня. Остальные бумаги закрепляли собственность за Дин Дацзяном и Дин Дахэ.

— Вот уж действительно, разбогатели! — рассмеялся Дин Тянь.

Юноша вернулся домой не с пустыми руками. Пользуясь тем, что Ван Цзо снабжали лучшими припасами, Дин Тянь ловко заменял изысканные продукты своими более простыми заготовками, оставив себе излишки отборной говядины, баранины и свинины.

Он притащил с собой добрых тридцать цзиней отличного мяса и протянул узел третьей тётушке:

— Тётушка, приготовьте это, пожалуйста. Говядина — первый сорт, нежнейшая!

— Пресвятые предки, это же сколько серебра на такое ушло? — всплеснула руками женщина. Обычно деревенские семьи покупали к празднику от силы два-три цзиня мяса, а тут — целая гора отборной говядины!

— Это доля из управы, — принялся вешать лапшу на уши дядям Дин Тянь. — Вы ведь знаете, сколько народу у нас гостило? Сам столичный посланник пожаловал! Провизии для них привезли великое множество, и кормили их по высшему разряду. Кое-что перепало и нам, тюремщикам, а уж после отъезда все остатки раздали служащим. У меня там ещё припрятаны две овечьи туши, пара десятков кур, жирные гуси да целая свинья полутуша. Всё это пойдёт на новогодний стол!

На самом деле у него оставалось ещё не меньше пятидесяти цзиней говядины. Он планировал раздать её родне к Новому году — такой щедрый подарок несомненно укрепил бы его авторитет среди односельчан. Кроме мяса, в его тайниках лежали сушёные грибы, лапша и прочая бакалея, которой завидовали все повара в управе. Но спорить с Дин Тянем никто не смел, ведь эти припасы изначально принадлежали Ван Цзо, который самолично распорядился отдать излишки смышлённому парню. Было там и два десятка цзиней вяленого мяса — редкого и дорогого деликатеса.

— Ты ведь обычный тюремщик, с чего бы поварам проявлять к тебе такую щедрость? — с сомнением покачал головой второй дядя. Верилось в это с трудом.

— Так ведь у меня под замком сидели самые важные узники: семейство уездного судьи Ма, личный советник Син, личный советник Цянь со своими домочадцами... — начал перечислять Дин Тянь.

Не дав ему закончить, дядя нетерпеливо перебил:

— И богачи Гао с семейством Чэнь тоже?

— Да, они тоже... — кивнул юноша.

— Так им и надо! — в один голос фыркнули дядья, и на их лицах отразилось глубокое удовлетворение. — Справедливое возмездие за то, что Чэнь Лаода решил расторгнуть помолвку!

Стоит признать, старая обида долго терзала их сердца. Теперь же, когда и Гао, и Чэнь лишились всего, а их зерновая лавка семьи Гао перешла в руки Динов, справедливость восторжествовала, и на душе у мужчин наконец-то полегчало.

— Зерновая лавка семьи Гао теперь твоя, а зерновая лавка семьи Чэнь и ещё один склад выкупили мы с твоим третьим дядей. Итого у нас четыре торговые точки: две твоих, а у нас — по одной. И это замечательно, — подытожил второй дядя. — Заправлять делами там станут твои тётушки, так что у наших односельчан теперь не возникнет трудностей со сбытом зерна.

— Да, — согласился Дин Тянь. — Прежние налоги совсем лишили людей средств к существованию.

— Всё уже вернули, — с гордостью сообщил дядя. — И зерно, и все незаконно собранные деньги до последнего медного гроша выплатили обратно крестьянам.

Эта новость действительно поразила Дин Тяня до глубины души. Ночевать он остался дома — в тюремных камерах всё равно никого не осталось, так что спешить обратно службы ради не имело смысла.

За ужином они долго обсуждали планы на будущее. Дин Тянь настаивал на том, что земля по-прежнему должна оставаться основой их благополучия, лавками пусть заправляют тётушки, а вот младших братьев — как старшего двоюродного, так и второго — пришло время определить в школу.

— В школу? — услышав это предложение, дядя растерянно переглянулись. — Мы испокон веков были простыми крестьянами, трудились на земле. Обучение в частной школе стоит немалых денег, да и проку от этой грамоты... Сам погляди на то, что случилось с сыновьями Гао и Чэней.

— Дядя, дело ведь не только в сдаче государственных экзаменов, — принялся терпеливо объяснять Дин Тянь. — Если выбьются в люди — хорошо, а коли нет — всё лучше, чем оставаться неграмотными глупцами. По крайней мере, они смогут сами вести счета, разбираться в документах и понимать, под чем ставят свою подпись в бумагах.

Дин Тянь прекрасно знал, что его дядя со скрипом, но читали, однако в наше время этого было катастрофически мало для ведения успешных дел.

<http://bllate.org/book/19387/1997495>